

Материалы к биографии Н.В. Гоголя (Из воспоминаний современников)

П.А. Кулиш

По воспоминаниям его соучеников, Гоголь представляется нам красивым белокурым мальчиком, в густой зелени сада нежинской гимназии, у вод поросшей камышом речки, над которою взлетают чайки, возбуждавшие в нем грезы о родине. Он — любимец своих товарищей, которых привлекала к нему его неистощимая шутливость, но между ними немногих только, и самых лучших по нравственности и способностям, он избирает в товарищи своих ребяческих затей, прогулок и любимых бесед, и эти немногие пользовались только в некоторой степени его доверием. Он многое от них скрывал, по-видимому, без всякой причины, или облакал таинственным покровом шутки. Речь его отличалась словами малоупотребительными, старинными и насмешливыми; но в устах его все получало такие оригинальные формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось в горниле юмора. Слово его было так метко, что товарищи боялись вступать с ним в саркастическое состязание. Гоголь любил своих товарищей вообще, и до такой степени спутники первых его лет были тесно связаны с тем временем, о котором впоследствии он из глубины души восклицал: «О, моя юность! О, моя свежесть!», что даже школьные враги его, если только он имел их, были ему до конца жизни дороги. Ни об одном из них не отзывается он с холодностью или неприязнью, и судьба каждого интересовала его в высшей степени.

В.И. Любич-Романович (по записи С.И. Глебова)

Гоголь постоянно косился на нас, держался в стороне, смотрел всегда букою. Насмешки наши над Гоголем еще усугублялись потому, что он держал себя каким-то демократом среди нас, детей аристократов, редко когда мыл себе лицо и руки по утрам каждого дня, ходил всегда в грязном белье и выпачканном платье. В карманах брюк у него постоянно имелся значительный запас всяких сладостей — конфет и пряников. И все это по временам, доставая оттуда, он жевал не переставая, даже и в классах, во время занятий. Для этого он обыкновенно забивался куда-нибудь в угол, подальше от всех, и там уже поедал свое лакомство. Чтобы занять в классе местечко, где бы его никто его не видел, он приходил в аудиторию первым или последним и, засев в задних рядах, так же и уходил из класса, чтобы не подлежать осмеянию.

П.А. Плетнев — А.С. Пушкину

Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в «Северных Цветах» отрывок из исторического романа, с подписью оооо, также в «Литературной Газете» — «Мысли о преподавании географии», статью «Женщина» и главу из малороссийской повести «Учитель». Их писал Гоголь-Яновский. Сперва он пошел было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел в учителя. Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих и, как художник, готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает.

С.Т. Аксаков

В 1832 году, когда мы жили в доме Слепцова в Афанасьевском переулке, на Сивцевом Вражке, Погодин привез ко мне в первый раз и совершенно неожиданно Н.В. Гоголя.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими. По субботам постоянно обедали у нас и проводили вечер короткие мои приятели. В один из таких вечеров, в кабинете моем, находившемся в мезонине, играл я в карты в четверной бостон, а человека три, не игравших, сидели около стола. В комнате было жарко, и некоторые, в том числе и я, сидели без фраков. Вдруг Погодин, без всякого предупреждения, вошел в комнату с неизвестным мне очень молодым человеком, подошел прямо ко мне и сказал: «Вот вам Николай Васильевич Гоголь!» Эффект был сильный. Я очень сконфузился, бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций. Во всякое другое время я не так бы встретил Гоголя. Все мои гости тоже как-то озадачились и молчали. Прием был не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодин упросили меня продолжать игру, потому что заменить меня было некому... Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу: нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое. В платье Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой...

П.В. Анненков

..Гоголь перепробовал множество родов деятельности — служебную, актерскую, художническую, писательскую. С появлением «Вечеров на хуторе», имевших громадный успех, дорога, наконец, была найдена, но деятельность его еще удваивается после успеха. Тут я с ним и познакомился. Он был весь обращен лицом к будущему, к расчищению себе путей во все направления, движимый потребностью развить все силы свои, богатство которых невольно сознавал в себе. Необычайная житейская опытность, приобретенная размышлениями о людях, выказывалась на каждом шагу. Он исчерпывал людей так свободно и легко, как другие живут с ними. Не довольствуясь ограниченным кругом ближайших знакомых, он смело вступал во все круги, и цели его умножались и росли по мере того, как преодолевал он первые препятствия на пути. Он сводил до себя лица, стоявшие, казалось, вне обычной сферы его деятельности, и зорко открывал в них те нити, которыми мог привязать к себе. Искусство подчинять себе чужие воли изоощрялось вместе с навыком в деле, и мало-помалу приобреталось не менее важное искусство — направлять обстоятельства так, что они переставали быть препонами и помехами, а обращались в покровителей и поборников человека. Никто тогда не походил более его на итальянских художников XVI века, которые были в одно время гениальными людьми, благородными, любящими натурами и — глубоко практическими умами...

Н.И. Иваницкий

Однажды, — это было в октябре, — ходим мы, студенты, по сборной зале университета и ждем Гоголя. Вдруг входят Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратись к нам, спросили только, в которой аудитории будет читать Гоголь? Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру и вдруг, как говорится, ни с того, ни с другого, начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестяща, в таком же роде, как и первая. Она вся из слова в слово напечатана в «Арабесках» («Ал-Мамун»). Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию, и потому приготовился угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только слово: «увлекательно»...

Все следующие лекции Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событие, ни одно лицо историческое не вызвало его на беседу живую и одушевленную. Какими-то сонными глазами смотрел он на прошедшие века и отжившие племена. Без сомнения, ему самому было скучно и он видел, что скучно и его слушателям. Бывало, приедет, поговорит с полчаса с кафедры, уедет, да уже и не показывается целую неделю, а иногда и две. Потом опять приедет, и опять та же история.

М.Г. Анисимо-Яновская, дальняя родственница Гоголя

Мысль написать «Мертвые души» взята Гоголем с моего дяди Ливийского. У Пивинского было 200 десятин земли и душ 30 крестьян и детей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинские винокурней. Тогда у многих помещиков были свои винокурни, акцизов никаких не было. Вдруг начали разъезжать чиновники и собирать сведения о всех, у кого есть винокурни. Пошел разговор о том, что у кого нет пятидесяти душ крестьян, тот не имеет право курить вино. Задумались тогда мелкопоместные: хоть погибай без винокурни. А Харламбий Петрович Пивинский хлопнул себя по лбу да сказал: «Эге! не додумались!» И поехал в Полтаву, да и внес за своих умерших крестьян оброк, будто за живых. А так как своих, да и с мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набрал он в бричку горилки, да и поехал по соседям и закупил у них за эту горилку мертвых душ, записал их себе и, сделавшись по бумагам владельцем пятидесяти душ, до самой смерти курил вино и дал этим тему Гоголю, который бывал в Федунках, имени Пивинского, в 17 верстах от Яновщины; кроме того, и вся миргородчина знала про мертвые души Пивинского.

А.А. ИВАНОВ (художник)

Гоголь — человек необыкновенный, имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство... Чувства человеческие он изучил и наблюдал их, словом — человек самый интереснейший, какой только может представиться для знакомства. Ко всему этому он имеет доброе сердце. Вот пример его доброты. Некто из нашего общества, художник лет двадцати, Шаповалов, получал от Общества поощрения художников пенсион в 80 руб. в месяц; обращаясь к банкиру 1 февраля, он получил отказ, увидев предписание от Общества. Таким образом, он остался без куса хлеба. В отчаянии он был ни на что не способен. Гоголь, видя общее сострадание, несмотря на свое нездоровье, решается прочесть свое произведение «Ревизор» в пользу Шаповалова. Билет стоил не менее скудно, и вот в зале княгини Зинаиды Волконской собрались все русские. Для меня это было весьма важным — видеть отечественного лучшего писателя читающим свое собственное произведение. И в самом деле это было превосходно, вследствие чего собрано 500 руб., и Шаповалов с ними начинает важную копию с картины Перуджино.

М.П. Погодин

Ночью на вторник (*с 11 -го на 12-е февраля*) он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его, тепло ли в другой половине его покоев. «Свежо», — ответил тот. — «Дай мне плащ, пойдем, мне нужно там распорядиться». И он пошел, со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, чрез которую проходил. Пришел, велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: «Барин! что это вы? Перестаньте!» — «Не твое дело, — ответил он. — Молись!» Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал после того, как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печи, развязал тесемку и уложил листы так, чтобы легче было приняться огню, зажег

опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал.

А.Т. Тарасенков

Когда почти все сгорело, он долго сидел задумавшись, потом заплакал, велел позвать графа, показал ему догорающие углы бумаги и с горестью сказал: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все! Как лукавый силен, — вот он к чему меня подвинул! А я было там много дельного уяснил и изложил. Это был венец моей работы; из него могли бы все понять и то, что неясно у меня было в прежних сочинениях... А я думал разослать друзьям на память по тетрадке: пусть бы делали, что хотели. Теперь все пропало». Граф, желая отстранить от него мрачную мысль о смерти, с равнодушным видом сказал: «Это хороший признак, — прежде вы сжигали все, а потом выходило еще лучше; значит, и теперь это не перед смертью». Гоголь при этих словах стал как бы оживляться; граф продолжал: «Ведь вы можете все припомнить?» — «Да, — отвечал Гоголь, положив руку на лоб, — могу, могу; у меня все это в голове». После этого он, по-видимому, сделался покойнее, перестал плакать.

А.В. Никитенко

Кн. Дм. Ал. Оболенский рассказал мне следующие подробности о Гоголе, с которым он был хорошо знаком. Он находился в Москве, когда Гоголь умер. Гоголь кончил «Мертвые души» за границей — и сжег их. Потом опять написал и на этот раз остался доволен своим трудом. Но в Москве стало посещать его религиозное исступление, и тогда в нем бродила мысль сжечь и эту рукопись. Однажды приходит к нему граф А.П. Толстой, с которым он был постоянно в дружбе. Гоголь сказал ему: «Пожалуйста, возьми эти тетради и спрячь их. На меня находят часы, когда все это хочется сжечь. Но мне самому было бы жаль. Тут, кажется, есть кое-что хорошего». Граф Толстой из ложной деликатности не согласился. Он знал, что Гоголь предается мрачным мыслям о смерти и т. п., и ему не хотелось исполнением просьбы его как бы подтвердить его ипохондрические опасения. Спустя дня три граф опять пришел к Гоголю и застал его грустным. «А вот, — сказал ему Гоголь, — ведь лукавый меня таки попутал: я сжег “Мертвые души”». Он не раз говорил, что ему представлялось какое-то видение. Дня за три до кончины он был уверен в своей скорой смерти.